

Иудаизм и современность. Адин Штайнзальц filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Иудаизм и современность Адин Штайнзальц.

Стенография лекции, прочитанной р. А. Штейнзальцем на презентации книги «Взгляд», 21.05.02., Москва.

Рав Штейнзальц: Однажды в университете мне пришлось получать степень почетного доктора. Я сидел вместе с такими же несчастными, как я, в этих ужасно смешных шапках с висюльками. Я помню, что меня не интересовали тогда ни тексты лекций, ни темы, на которые говорили вокруг. Весь я сконцентрировался на том, чтобы не скатиться со стула, потому что представлял себе, как будет смешно, когда упадет эта шапка и я вслед за ней.

Тема, заявленная в лекции как «иудаизм и современный мир», «иудаизм и модерн», не нова: примерно 200 лет в еврейском мире ходит мода читать лекции на тему «иудаизм и что-нибудь еще». Только переводчик хотел рассказать русский анекдот по этому поводу, как я вспомнил его еврейский эквивалент. Одна из популярных тем – это «еврейский вопрос и слоны». И вообще этот стиль, этот жанр он настолько распространен, что один мой приятель, не еврей, один из крупнейших специалистов в области социологии религий, написал достаточно известную статью, которая называется «Слоны и лютеране».

Начать надо собственно с самой сложной части этой темы: что же все-таки такое «модерн», что такое «современность», что такое «современный»? У этого понятия можно выделить два традиционных понимания, которые может быть не взаимоисключающие, но, по крайней мере, серьезно отличающиеся друг от друга.

Первое простое определение – современностью мы называем то, что происходит в то время, о котором идет речь, то, что синхронно этому обсуждению. Понятно, в соответствии с этим определением нет ничего более непостоянного чем «современность». В каждый момент времени под словом «современность» понимается нечто другое. То, что современно и выраженное в словах.

Классический пример второй стороны этого определения – известный египетский папирус, где человек, очевидно, уже пожилой, жалуется на молодое поколение. В старые добрые времена дети уважали родителей, молодые уважали стариков, в общем мир был упорядоченным, понятным, добропорядочным, а сейчас. И он пишет о новом поколении, как они сходят с ума, что они творят, насколько общество беспорядочно. Это вообще интересно, это звучит очень современно. И не важно, что этому тексту примерно три с половиной тысячи лет.

Что из этого нужно, собственно говоря, извлечь. То, что в отличие от стереотипа расхожего, который говорит об изменении мира, люди не меняются существенно за такой скромный отрезок времени как две-три тысячи лет. Соответственно, многие вещи, которые кажутся несовременными из написанного и сказанного, объясняются не содержанием, а переменами в языке. То есть, то что звучит анахронизмом, очень часто звучит так из-за изменения языка, а не человека, или общества, или мира.

Есть в принципе целый книжный жанр, где об очень древней истории говорится очень современным языком, почти сленгом, и приходится согласиться с тем, что жаргон меняется, а многие вещи, которые были верны тогда, они верны и сегодня, а многие вещи куда меньше подвержены изменениям, чем реалии языка. Бен Адшор когда он пишет современным языком о событиях времен Юлия Цезаря, – это классический пример такого жанра, такого явления. Воспоминания Клаудия, которые рассказывают об очень давних событиях и написаны весьма современным языком, дают именно такую почву для размышления.

В свое время, когда я был моложе и у меня было больше времени и сил, я написал некую пьесу об Исходе из Египта, где события весьма давние были представлены в весьма современных понятиях. Фараон там выглядел почти как русский интеллигент, и его поведение было естественно на фоне такой концепции.

Чтобы стало понятнее, я хочу объяснить о каком типе русского интеллигента идет речь. Это человек, который прочитал очень много книг. Накопленная информация не выстроилась у него ни в какую стройную систему, и более того, он почти ничего не понял из того, что он прочитал, но, поскольку он может долго, связно и красиво говорить на эту тему, то ему самому уже кажется, что он понимает то, о чем он говорит.

Фараон вполне вписывается в эту схему. Он разбирается во всем: в устройстве мира, в науке, в современных ему понятиях, в религии, и он говорит об этом. Он говорит без тени сомнения о том, в чем он не компетентен, и приближенные к нему, не сильно компетентные в этих вопросах люди начинают думать о том, что евреи не так уж и нравятся.

И собственно здесь следует отметить два момента. Первое – это то, что существует понятие «современность, модерн» и оно, как понятие, весьма изменчиво, неустойчиво и меняется со временем, что даже в русском языке видно по корню слова. Второе – постоянная составляющая мысль заключается в том, что людям всегда кажется, что старое оно – доброе, потому что молодое – оно незнакомое и угрожающее.

Все-таки попробуем найти некие черты, некое научное или около научное определение, может быть более узкое, чем то, что такое «модерн», в том смысле, в котором мы употребляем это слово – «современность, как понятие».

Если попытаться охватить временные рамки понятия «модерн», то надо отметить, что в науке: в истории, философии и в других, которые хоть как-нибудь оперируют этим термином, временные рамки будут: начало – несколько десятилетий до Французской революции, и окончание – середина 20 века. И действительно, люди, которые занимаются такого рода исследованием цивилизации и оперируют терминами, с середины 20 века и дальше говорят о постмодернизме. Не только о постмодернизме как понятии из русского искусствоведения, но и вообще, как о мировоззренческом, философском, изучающем и описывающем цивилизацию термине. Поэтому сейчас, хотя и было бы естественно говорить о современности как о времени, в котором мы живем, на деле получится, что в основном говоря о модерне, я остановлюсь на времени до середины 20 века, а не на том времени, в котором мы сейчас с вами живем.

Можно выделить ключевые фигуры. Это не будут люди, которые создали модерн. Это будут люди, которые весьма характерно его представляли: Руссо, Дарвин, Маркс и может быть даже Фрейд. Постмодернизм начинается с имен Эйнштейна, Айзенберга.

Если говорить о более тонких различиях, о более ярких чертах, сравнивая не любую эпоху с любой, а модерн, с постмодерном, то надо сказать, что, например, французский позитивизм 19 века, это достаточно яркий образец, на котором можно увидеть чем один период отличается от другого.

С одной стороны, модерн, кажется нам, ломает все старые рамки: верования, социальные устои, основы устройства науки. С другой стороны, как это не покажется парадоксальным, именно модерн во всех его проявлениях, в научном и даже антирелигиозном, построен на вере, на глубокой, почти религиозной вере в те основы, которые он привнес.

Многие из вас еще помнят религию, которая здесь была – коммунистическую религию, которая по всем определениям является классической религией, кроме того, что ее носители, по игре случая, были атеистами.

Пусть вас не смущает, что есть религия, которую исповедуют атеисты. Это не только справедливо по отношению к коммунизму, но и в большей мере, справедливо по отношению к буддизму, о последователях которого тоже нельзя с уверенностью сказать, есть ли у них Б-г. То, чего у атеистов явно не было, вас тоже не должно смущать. Обе из них, и та которая официально существует, и другая, обладают четкой структурой, четкими ритуалами, главным жрецом, который является полубогом. В одном случае – это Далай Лама, в другом случае – это генеральный секретарь коммунистической партии.

С одной стороны, теория относительности, с другой стороны, теория квантов во многом нанесли непоправимый ущерб, невозстановимый удар по позитивизму. Чтобы установить в точности точку – вершину этого удара, надо сказать

Иудаизм и современность. Адин Штайнзальц filosoff.org
несколько слов о теории Гегеля, о том, как это изменило восприятие мира.

Если перевести это утверждение на совершенно непрофессиональный и всем понятный язык, то получается следующее. В принципе никогда не будут решены все проблемы. Проблемы определенного уровня можно решить переходом на более высокий уровень, который принесет новые проблемы. Гегель перевел это в некое общее утверждение, которое касается всех областей знания и возможной всей жизни в целом.

Мой друг, который уже перешел в лучший мир, и при жизни был профессором сравнительной теологии Иерусалимского университета, сформулировал это иначе, может быть, вам будет более понятно. Разницу между модерном и постмодерном он выразил так: в 19 веке, когда ученый видел черта, он говорил ему: «Сгинь! Ты не существуешь!». В наше время, когда ученый видит черта, он говорит ему: «Ты феномен, я должен тебя описать». Хотя это, возможно, недостаточно абстрактное, наукообразное определение, кажется, что оно достаточно ярко, понятно и доступно описывает разницу между модерном и постмодерном.

Безусловно, эпоха модерна временные рамки, которой мы положили раньше, была эпохой чрезвычайно плодотворной и интересной. В частности вся наука, с которой мы имеем дело в современном мире, с которой мы повседневно сталкиваемся, она вся создана в период модернизма.

Интересно, что не менее характерным продуктом модерна – можно утверждать что эти два продукта связаны – было создание тоталитарных режимов. Попробуем доказать, что оба конца этого феномена вырастают из модерна. Два условия для существования тоталитаризма это: первое, слепая вера в околонучную, псевдонаучную теорию, как, например, – социализм; и второе, практическое существование технологий, позволяющих осуществлять, реализовывать тоталитарный режим.

Напоминаю тему. Мы собирались говорить не просто о модерне, а о модерне и еврейском подходе к нему. Давайте посмотрим, где две эти темы пересекаются. Попробуем определить еще раз для этих целей основания, на которых стоит модерн. Во-первых, это вера в абсолютную ценность человеческой свободы, когда предполагается, что потенциал всегда есть и он будет реализован, как только будет дана свобода и это всегда ведет к лучшему.

В скобках добавим некое научное или околонучное замечание. Это может быть где-то на периферии, но надо отметить, что сам подход, сама идея, что человек может, если его не ограничивать развиваться сколь угодно далеко в любом из воображаемых направлений, эта идея получила смертельный удар с развитием современной генетики. Не надо упрощать и представлять себе, что война Сталина и его комиссаров с генетиками, это – то, что они отдавали предпочтение Мичурину и Лысенко; не надо выдавать или воспринимать это как простой идиотизм.

Есть в этом предпочтении, которое они отдавали любому бегству от генетики, своя глубокая логика. Логика состоит в том, что если я понимаю, что человек гораздо больше запрограммирован, гораздо меньше свободен, чем мне хотелось бы верить, то гораздо меньше причин идти на разного рода революционные эксперименты и пытаться менять природу человека. Потому что гораздо более понятно и гораздо более очевидно, что революционных перемен в принципе не будет.

Говорить о генетике крайне непедагогично. Я объясню, почему это непедагогично. У меня был горький опыт, когда я девочке, своей дочери, в возрасте лет десяти по неосторожности сказал, что, в общем-то, человек на 95–96% такой, какой он родился, и только остальные 5% можно поменять, воспитать, переделать и т. д. С тех пор всякий раз, когда я ей делал замечания или ругал ее за что-то, она мне говорила: «папа это 96 твоих процентов».

В фундаменте модерна лежала вера в то, что вещи можно изменить. Порядок в мире, реальность можно существенно изменить. Был еще один аспект в модерне, который не везде, но в большей степени проявлялся на Западе. Это поддержка и всяческое ободрение желания человека задавать вопросы.

И еще одно основание, которое в принципе универсально для всего периода модерна – это вера в прогресс. Надо понять, что хотя это и опирается на хороший научный базис, в частности, на Дарвинизм, но речь идет о вере. О вере в неизбежность того, что будет завтра лучше, чем сегодня.

Если вы посмотрите, проанализируете старые тексты в этом плане, вы увидите, что модерн совершил поворот почти на 180 градусов. Древний мир во всех его проявлениях от Скандинавских мифов и далее до наших дней нес в себе некую идею Золотого века. Этот век был некогда в истории, но сейчас миновал, за ним был Серебряный век с идеей о том, что все лучшее было некогда в прошлом. Поэтому, когда хотели что-нибудь дома похвалить, то говорили: «Это еще из старых времен, когда все еще было хорошо».

Модерн, в каком-то смысле, перевернул всю эту концепцию, и теперь ожидание лучшего перенеслось в будущее. Сегодня, когда я хочу продать кому-нибудь машину, ночной горшок или что-нибудь другое, я прежде всего объясняю, что это новое. Мне не приходит в голову сказать, что это из старых добрых времен. Я, правда, не знаю, существует ли такая реальность в России, но у нас в Израиле в 2002 году всегда рекламируются модели машин 2003 года – это стандарт на Западе. Завтрашнее молоко безусловно свежее, чем сегодняшнее.

Теперь, когда мы уже относительно убедились в том, что мы понимаем, что такое «современность» широко, пойдём в еврейский мир и посмотрим на это понятие со стороны. Это может выглядеть парадоксально, но еврейский подход к жизни очень не плохо уживается с теми определениями, которые мы дали для модернизма, и похоже они ему вообще родные. Еще раз, возвращаясь к тому, что может показаться парадоксальным, надо сказать, что хотя, модерн был временем весьма травматическим и кризисным для еврейства; но кризис этот не носил характера столкновения идеологий, а был скорее техническим, социальным, столкновением институций, столкновением неких норм, но не столкновением идей.

Давайте начнем со свободы выбора и свободы, свободы меняться. Мы говорили об этом. В принципе можно сказать, что это практически квинтэссенция еврейской ортодоксальной теологии, абсолютная вера в абсолютную свободу выбора и в свободу менять себя или нет. Это очень интересно, что есть у сказанного практический, технический выход. Когда бывает нелегко сказать о каком-то течении в иудаизме, остается ли оно органической частью иудаизма, или уже вышло наружу, то есть отделилось от иудаизма, как совершенно самостоятельная секта, или как нечто, вышедшее за пределы. Очень часто хорошим пробным камнем может служить вопрос свободы выбора: признает ли это новое течение неограниченную свободу выбора?

К примеру, вы сами можете проверить эту идею на отношении между иудаизмом, как исходной точкой христианства, и христианством, как сформировавшейся идеологией, и дальше к протестантизму, где эта разница будет еще больше. Точно также это справедливо по отношению к водоразделу, который отделяет иудаизм и большинство течений в исламе, вопрос о свободе выбора, о свободе человека меняться.

Как не велико разнообразие мнений наших теологов по разным вопросам, и как не велико разнообразие их позиций, как не далеки они друг от друга, в этой точке все они сходятся. Для многих из них это была весьма критическая тема; для многих из них было трудно ужиться с этим принципом, но и после обсуждений и споров с ним, последнее слово – всегда, что это одна из основ нашей веры, и с этим мы не можем спорить.

Вам, как людям, живущим внутри христианской культуры, должно быть весьма знакома сама идея того, что просто произвольно сверху спускается некая благодать, некая милость. Мы же верим в то, что Всевышний дает каждому ровно то, чего он заслуживает, и чего он стоит. Максимум того, во что мы можем поверить – это то, что иногда Всевышний дает заем, но он всегда его взъщит. Есть что-то весьма идеалистическое, и в то же время весьма позитивное, динамическое в этой еврейской уверенности, что будь, что будет, всегда выбор в твоих руках.

Кстати, это неплохо объясняет тот факт, почему евреи были вовлечены в такое количество переворотов и революций эпохи модерна. Это касается не только России, хотя русская история вам ближе в этом плане, но и всяких тех мест, где говорили и готовили переворот установленного порядка. Всегда вы там найдете в явной или в скрытой форме евреев. Может быть, нельзя здесь говорить о тождественности подходов модерна и еврейского, но есть большая степень подобия в этом императиве: ты можешь изменить – меняй!

Второе: мы говорили о том, что модерн вынуждает человека задавать вопросы. Мы, кажется, единственная религиозная традиция, религиозная культура, в которой основополагающая книга, речь идет о Талмуде, построена вся целиком на неосторожных, неприличных, не задаваемых вопросах. На критике. Вопросах и критике, вопросах и критике. И это есть содержание Талмуда.

Каждый кто не знаком с Талмудом, но знаком с людьми, которые учат Талмуд, знает, что даже забыв все, что они учили, они продолжают хранить, как самое нерушимое зерно, способность и готовность все время задавать вопросы: «откуда ты знаешь?», «может быть это наоборот?», «кто тебе сказал?», «почему ты в этом уверен?». Все это происходит не из-за атеистического скепсиса, а является частью религиозного требования, частью императива, в котором они росли.

В нескольких работах мне приходилось писать о весьма характерной стороне наших текстов. Я написал, что в языке эскимосов существует более ста слов обозначающих снег. В арабском – есть более ста слов как назвать верблюда. Понятно, что если человек живет среди снега, он обращает внимание какой снег: крупный снег, мелкий снег; снег, который подтаивает; снег, который прихватило морозцем; белый снег и снег чуть темнее – это все разные слова.

То же самое можно сказать о тех, кто живет все время рядом с верблюдом. В Талмуде есть очень много, по крайней мере, я знаю точно двадцать слов для обозначения понятия «вопрос».

Одна из проблем, с которой я столкнулся, переводя Талмуд на разные языки, состояла в том, что нет достаточного количества слов для передачи нюансов слова «вопрос». Есть разные, не однокоренные слова для обозначения вопроса серьезного и менее серьезного, вопроса разрешимого и неразрешимого; вопроса, который проистекает из ощущения противоречия, парадоксальности; вопроса, который проистекает из чтения первоисточника – и можно продолжать и продолжать этот ряд. Причина того, что у евреев есть так много слов для обозначения понятия вопрос, та же самая, что и у эскимосов для обозначения понятия снег. Человек, который живет в мире вопросов; человек, который живет вопросами, умеет различать нюансы между разными вопросами.

Есть целый жанр, который не знаком другим культурам, когда читателю предлагается не ответы, а вопросы. Рабби Акива Эгер, живший более двухсот лет назад, напечатал довольно большую книгу, которая вся состоит из вопросов, на которые он не знает ответов. Я хочу рассказать о том, что можно назвать «культурой задавания вопросов».

Был американский физик, американский еврей, получивший Нобелевскую премию, которому был задан вопрос: что собственно говоря привело его к такой жизни, что сделало его тем, кем он стал. Он ответил: «Все из-за моих родителей. Когда я возвращался из школы, они никогда меня не спрашивали, получил ли я хорошие оценки и хорошо ли я себя вел. Всегда они меня спрашивали, задавал

Иудаизм и современность. Адин Штайнзальц filosoff.org
ли я хорошие вопросы?».

Это безусловно важный компонент целой культуры, которая построена на вопросах, и не всегда на ответах. В этом смысле, привнесенное в цивилизацию модерном положительное отношение к вопросам, к сомнению, было для евреев не столько новшеством, сколько обращением к естественной части еврейской цивилизации, к одной из ее основ.

Третье. Третье, если вы помните, мы сказали – прогресс, вера в то, что Золотой век находится не сзади, а впереди. Некогда при совершенно других обстоятельствах и другом контексте мне пришлось писать статью, выдержанную в марксистском духе, о различии между религиозными деятелями иудаизма, христианства и ислама, причем это не была теологическая, а конкретно марксистская статья. Одна из важнейших точек, важнейших идей в этой статье была связана как раз с отношением к прогрессу. Мы, как евреи, евреи религиозные, как фанатически верующие евреи, мы верим, безусловно, в прогресс. Мы верили в это еще до того, как этот термин был введен в обращение.

Я приведу пример, для того чтобы стало понятно насколько это давняя идея, насколько это органичная идея. Я приведу некую историю, которая датируется 1-2 веком новой эры, временем после разрушения Второго Храма: «Беседу (спор) между рабби Акивой и римским наместником». Вам, для того чтобы был понятен вопрос, заданный римским наместником, я только скажу, что речь шла об обрезании: делать обрезание или не делать обрезание.

Римский наместник полагал, что у него есть потрясающей силы аргумент против религии. Он задал вопрос в такой форме: «Что лучше: творения Всевышнего или творения людей?». Рабби Акива немедленно, не задумываясь, ответил ему: «То, что делают люди гораздо лучше, чем то, что делает Всевышний». Он продолжил: «Посмотри на лен, который растет в поле, и посмотри на одежду. Посмотри на колоски пшеничного поля, и посмотри на хорошо выпеченный пирог. Конечно, мы делаем лучше чем это делает Всевышний!». Тогда уже естественно римлянин, видя крушение своей домашней заготовки, перешел к теме и спросил: «А почему вы делаете обрезание?». Рабби ответил: «Я же тебе уже сказал, то что мы делаем это гораздо лучше того, что делает Всевышний. Мы улучшаем творение». Этот ответ – тема для отдельной, наверное, очень интересной книги. Но можно спокойно ответить очень просто: мы верим не только в способность человека улучшать творения, но и мы верим в его долг улучшать творения.

В свое время достаточно острым для христианской теологии был вопрос обо всех технологических новшествах. Если бы Всевышний хотел дать человеку крылья, он бы дал ему крылья. В еврейском контексте этот аргумент вообще бы не имел права на существование и не мог бы появиться. Да, Всевышний не дал человеку крылья, но он дал ему разум создать нечто, что летает лучше любого орла.

Подытожить можно так, как часть религиозной веры, а не как часть нашего приспособления к новому миру, мы верим в то, что мир может быть лучше, и что человек активно должен делать все, чтобы мир был лучше. Это объясняет, отчасти, участие евреев во всевозможных революциях. Думаю, что этим же можно объяснить, что евреев мы находим также среди торговцев, врачей, изобретателей, – то есть людей, которые делают творения Всевышнего чуть лучше.

Надо помнить, что человек некогда жил в раю и был оттуда изгнан. Однако важнейшая идея нашей веры состоит в том, что будущее, которое реально, и это не «Грядущий мир», не загробная жизнь, безусловно может быть лучше, чем это было в человеческом прошлом. В свое время я, говоря на эту же тему, в поисках подходящего заглавия, весь этот подход к возможности и долгу изменять мир к лучшему, назвал его «Как Моисей повлиял на Мао Дзе Дуна». Это, правда, не прямое влияние, оно имеет нескольких посредников, но влияние просматривается.

Поскольку мне уже говорят, что пора заканчивать, и действительно пора, я

Иудаизм и современность. Адин Штайнзальц filosoff.org
хочу только отметить, что все сказанное здесь об истории идей, о развитии их, не было сказано для того, чтобы показать, какие мы чудесные, хорошие, как мы хорошо приспособляемся к модерну, а для того чтобы показать, что с модерном у нас действительно не было серьезных проблем. Что касается постмодерна – это уже другой вопрос.

Обсуждение

Рав Штейнзальц: Я никоим образом не ограничиваю вас в выборе вопроса, поскольку у меня всегда есть чисто человеческое еврейское право на то что я не знаю или не хочу отвечать сказать: «не знаю или не хочу отвечать», но не задавайте мне, пожалуйста, идиотских вопросов.

Мужчина: Когда-то очень давно, до того как я начал читать Тору, я прочел в книге Энгельса слова: «С той же необходимостью с какой природа создала Землю, животный мир, человека, она истребит его, чтобы создать его вновь, в другое время, в другом месте». После этого я перестал интересоваться теоретическим материализмом. Мне бы хотелось спросить у рава. Это очень серьезный вопрос, о том, каким образом иудаизм относится к концу этого мира? Если все хорошо, то как это согласуется с бесконечным прогрессом?

Рав Штейнзальц: Во-первых, хочу сказать так, что Энгельс был намного симпатичней Маркса, хотя он и гой. Это мы знаем из его биографии, но есть одна вещь, которую можно сказать точно: Энгельс не был ни ученым, ни пророком. Любой, пойманный вами здесь на улице прохожий, может, с той же долей ответственности и сознательности предсказать нам что угодно о будущем. Ценность этого утверждения будет абсолютно идентична утверждениям Энгельса. Если он сможет это облечь в красивую поэтическую форму, тем лучше.

Мужчина из зала: Если человек способен усовершенствовать творения Всевышнего, может ли он в идеале создать в этом мире рай на Земле и будет ли он лучше рая небесного?

Если мы говорим, что в иудаизме свобода выбора обязательна, между правильностью и не правильностью, как это можно связать с талмудической мыслью о том, что каждый еврей имеет удел в Грядущем мире?

Рав Штейнзальц: Во-первых, эта формулировка, которую вы верно привели, она – правило, и как у любого правила в том же месте, где она приведена дается целый ряд исключений. Понимаете, сам бы я, конечно, сказал, что у всех есть ключи, но это не подразумевает того, что все войдут с парадного входа. Некоторых перед этим проводят через душемойку, где они проходят санитарную обработку пять, шесть месяцев, годик. Столько, сколько каждому человеку надо, чтобы полностью очиститься, это называется адом. После этого, придя в надлежащее состояние, они соответственно попадут в надлежащее место.

Смотрите, любую ткань можно отбелить. Иногда ее достаточно для этого просто простирнуть, а иногда это требует химической обработки, но отбелить можно все что угодно.

Женщина: Есть вопрос, как идея прогресса сочетается, например, с идеей, может быть, тоже вырванной из контекста, о падении поколений «яридат дорот»?

Рав Штейнзальц: Должен вас расстроить, поскольку евреи имеют привычку задавать вопросы. Задать вопрос, который не задавали до этого крайне сложно. Так вот этот вопрос, который вы задаете, хороший вопрос, его задавали уже много столетий тому назад, хотя он выглядит очень даже современно. Во-первых, у нас нет никакой религиозной догмы, которая бы утверждала, что весь этот мир во всем многообразии своих проявлений деградирует. Он не равномерен, времена не равномерны, поколения не равномерны, люди не равномерны и как следствие нет никакой необходимости

Двести лет тому назад один хороший еврей сформулировал это так: «Вначале мы получили свет на горе Синай, затем источником света для нас был Храм, потом какое-то время мы существовали в темноте, а сейчас мы начинаем жить при свете Мошиаха».

Женщина: Я противница феминизма и я считаю, как говорит традиция, что роль женщины – это Шхина в Храме семьи. Когда я читала книгу Рава «Библейские образы», когда я читала про Изабель, это жажда власти и контроля все делать своими силами как бы в угоду мужу и детям, я увидела в этом как бы параллель. Что феминизм и дух Изабель это одно и то же, дух одного, как мне кажется, подогревается духом другого. Каково ваше отношение к феминизму? Как с ним бороться?

Рав Штейнзальц: Есть, по меньшей мере, две разновидности феминизма. Одна разновидность – это утверждение, что все то, что могут делать мужчины, могут и должны делать женщины. Вторая разновидность феминизма – это все то, что делают мужчины женщины делают еще лучше. Что именно вы имеете в виду? На одном из моих уроков в Америке присутствовали две главные американские феминистки, лидерши, и они сидели, слушали. Слушали внимательно, записывали и вполне достойно учились на этих уроках. Из этого я делаю вывод о том, что даже феминистки не безнаджны, если они могут терпеть такого шовиниста как я.

Мужчина: Рав сказал, что Г-сподь влиял на фараона. Было ли такое же влияние, на Гитлера, и какое можно дать теоретическое объяснение катастрофе?

Рав Штейнзальц: Иудаизм, так или иначе, влиял на весь мир. Как на хороших людей, которые жили в этом мире, так и на плохих, таких как, например, как Мао Дзе Дун и Гитлер. У меня нет уверенности, что Мао Дзе Дун уничтожил меньше людей, чем Гитлер. Думаю, что больше. Так что влияние оно естественно существовало и существует.

Идея, будучи высказанной, начинает жить самостоятельной жизнью. Есть люди, которые берут идею и делают с ее помощью идеологию. Идея – она может быть действительна в любом случае. Например, идея избранного народа, несомненно, была принята и творчески переработана нацистами. Теперь, то что они с этой идеей сделали, и как они ее деформировали, никоим образом не дискредитирует наш подход к этому вопросу, но несомненно является его отдаленным следствием.

Теперь относительно второго вопроса. Я сейчас постараюсь ответить честно и коротко, почему отвечать на него я не собираюсь. Однажды я посвятил этой теме двухчасовую лекцию, сейчас я попытаюсь вам это объяснить за три минуты. Мы находимся слишком близко от этого события – катастрофа, для того чтобы иметь возможность, так или иначе, дать теологический или философский анализ произошедшего. Нет никакого права рассуждать и разглагольствовать на темы, которые столь болезненны лично, для такого количества еще живущих людей. Абстрагируясь от личных чувств, эмоций и боли и пытаюсь объективировать теологические и философские идеи как таковые, я вполне допускаю, что здесь сидят люди, у которых есть личные воспоминания о катастрофе.

Но даже я, который не пережил это лично в своей жизни, но мои бабушки и дедушки, дяди, тети и племянники, большое количество родственников были уничтожены нацистами. Я считаю, что для меня сейчас как для человека, который потерял стольких близких в этой войне, делать вид что, я способен на спокойный, объективный, беспристрастный анализ, просто бесчеловечно. Есть талмудическое правило, сформулированное так: запрещено утешать человека, когда покойник лежит перед ним. По отношению к катастрофе эти тела слишком близко от нас лежат, для того, чтобы мы смогли себе позволить играть в объективность и эмоции.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!